

Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России)

Михаил А. Бредис, Ольга В. Ломакина, Анна С. Борисова, Олеся В. Лазарева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются тувинские паремии с числовым компонентом «один», «два», «три», извлеченные путём сплошной выборки из различных лексикографических источников, на фоне хакасского, алтайского, кумыкского, калмыцкого и бурятского языков. В работе использовались методы историко-этимологического, описательно-аналитического, лингвокультурологического анализа, а также метод структурно-семантического моделирования. Это позволило провести межъязыковое сопоставление паремиологических единиц в аспекте сравнительной лингвоаксиологии и этнолингвокультурологии.

Установлено, что паремиологические единицы тувинской лингвокультуры в большинстве своем основаны на символической и сакральной семантике чисел. Они отражают народные поверья, обряды, фольклорно-мифологические образы. То же характерно для паремиологического фонда языков, рассмотренных в качестве фона. Отмечено наличие существенного количества общих точек соприкосновения в символике чисел тюркских и монгольских паремий. Это обусловлено как универсальным общечеловеческим характером числовой символики, так и родством данных языков, входящих в алтайскую языковую макросемью, а также может быть объяснено при помощи теории культурно-языкового трансфера.

Ключевые слова: культурный код; паремия; пословица; тувинский язык; тувинский фольклор; культурный трансфер; символика чисел; числовой компонент; числовой код

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН и отражает исходные положения доклада, прочитанного на конференции «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования» (27–28 октября 2022 г., г. Астрахань, Россия)

Для цитирования:

Бредис М. А., Ломакина О. В., Борисова А. С., Лазарева О. В. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (910) 462-95-62. Эл. адреса: briedis@yandex.ru; bredis-ma@rudn.ru

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (967) 118-71-45. Эл. адреса: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

Борисова Анна Степановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (926) 163-25-91. Эл. адрес: borissova_a_anna@mail.ru; borisova-as@rudn.ru

Лазарева Олеся Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (925) 208-17-12. Эл. адрес: lazareva-ov@rudn.ru

Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)

Mikhail A. Bredis, Olga V. Lomakina, Anna S. Borisova, Olesya V. Lazareva
Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

The article analyzes Tuvan paremias with the numerical component “one”, “two”, “three”, retrieved from various lexicographic sources by unselected sampling, and compares them with proverbs in the Khakas, Altai, Kumyk, Kalmyk and Buryat languages. In our work, we used the methods of historical and etymological, descriptive and analytical, linguistic and culturological analysis as well as the method of structural and semantic modeling. This made it possible to draw an interlanguage comparison of paremiological units in the aspect of comparative linguoaxiology and ethnolinguoculturology.

It has been found out that the paremiological units of the Tuvan linguistic culture are mostly based on symbolic and sacred semantics of numbers. They feature popular beliefs, rituals, folklore and mythological images. The same is typical for the paremiological fund of languages considered alongside. It is noted that there is a significant number of common points in the symbolism of the numbers of the Turkic and Mongolian paremias. This is due to both the universal panhuman character of numerical symbolism and the kinship of these languages included in the Altai linguistic macrofamily. It can also be explained using the theory of cultural and linguistic transfer.

Keywords: cultural code; paremia; proverb; Tuvan language; Tuvan folklore; cultural transfer; symbolism of numbers; numerical component; numerical code

Financing

This publication was supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022, and reflects the basic premises of the report presented at the conference “Vectors of Development of Russian Language Studies and Linguodidactics in the Context of Modern Philological Education” (October 27–28, 2022, Astrakhan, Russia).

For citation:

Bredis M. A., Lomakina O. V., Borisova A. S. and Lazareva O. V. Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v posloviatsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 276-293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (910) 462-95-62. E-mail: briedis@yandex.ru; bredis-ma@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0003-4885-952X](https://orcid.org/0000-0003-4885-952X)

LOMAKINA, Olga Valentinovna, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (967) 118-71-45. E-mail: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0003-0298-5678](https://orcid.org/0000-0003-0298-5678)

BORISOVA, Anna Stepanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (926) 163-25-91. E-mail: borissovaa_anna@mail.ru; borisova-as@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0002-7395-7028](https://orcid.org/0000-0002-7395-7028)

LAZAREVA, Olesya Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (925) 208-17-12. E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0002-1227-4493](https://orcid.org/0000-0002-1227-4493)

Введение

Ключевой термин семиотики *код* под влиянием лингвокультурологии стал активно использоваться лингвистами, которые под культурным кодом понимают «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» (Гудков, Ковшова, 2007: 8).

Лингвисты дифференцируют культурные коды по тематическому принципу. Наиболее полный перечень кодов выделен О. А. Лещинской на материале белорусского языка: это соматический, зооморфный, растительный, колоративный, предметный, костюмный, религиозный, природно-ландшафтный, пространственный, архитектурный, антропоморфный, количественный, временной, гастрономический (Ляшчынская, 2019: 159–205). Репрезентация культурного кода может осуществляться как лексемами, так и различными классами фразеологических единиц, прежде всего, идиомами и паремиями.

Как мы уже писали, «в современной лингвокультурологической паремиологии на первый план выходит не столько поиск специфического в пословичных фондах различных языков, сколько выявление в них общих с другими языками (т. е. интернациональных, или универсальных) пословиц, на фоне которого можно определить объём и характер национального компонента — на материале группы родственных языков, одного языка в сопоставлении с другими языками, данной пары неродственных (или дальнеродственных) языков и даже одной пословицы данного языка в сравнении с её иноязычными аналогами» (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1000). Такой подход видится весьма перспективным в изучении пословичных фондов тюркских языков коренных народов России, что показали новейшие исследования пословиц тувинского языка на широком языковом фоне (Бредис и др., 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова 2021; Бредис, Иванов, 2022; Иванов, Марфина, Шкуран 2022; Зиновьева, Алёшин, 2022; Нелюбова, 2022).

Межъязыковое сравнение пословичных фондов разных языков позволяет дифференцировать в них специфическое (этническое) и общее с другими языками как в диахронии (Ivanov, Petrushevskaja, 2015), так и в синхронии (Ivanov, Feldman, 2007; Seliverstova, 2020; Петрушевская, 2022). Сравнительно-сопоставительная лингвоаксиология и лингвокультурология, представленная в трудах паремиологов (Гишкаева, Ломакина, Макарова, 2021; Ломакина, Мокиенко, 2018; Нелюбова, 2019; Семененко, 2020; Ломакина 2021), нацелена на описание в пословицах ценностных констант и ценностных переменных, культурных кодов, лингвокультурологических доминант, сходств и расхождений тех этносов, которые характеризуются языковой, территориальной и / или религиозной общностью.

Тувинский язык принадлежит к тюркской группе языков, распространённой на огромных просторах Азии и Восточной Европы. Особенность тувинского языка состоит в том, что он испытал на себе значительное влияние монгольского, объясняющееся многовековым соседством тувинского и монгольского народов, поэтому при анализе лексического, фразеологического и паремиологического материала можно говорить о наличии культурно-языкового трансфера (см. примеры подобных трансферов: Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Бредис, Ломакина, 2020). В. И. Рассадин, сопоставляя тюркские и монгольские языки, отмечает, «эти языки имеют между собой огромное количество сходных элементов в лексике и грамматике, так называемые параллели, составляющие тюрко-монгольскую языковую общность» (Рассадин, 2019: 36). Предки народов Саяно-Алтая с древних времён имели контакты с монгольскими племенами. Особенно монгольское влияние усилилось в XIII в. с образованием огромной монгольской империи. Важную роль в процессе образования тюрко-монгольской языковой общности «сыграли разнообразные контакты и взаимоотношения между тюркскими и монгольскими этническими группами в разных ареалах Центральной Азии, где они обитали, происходившие в различные исторические эпохи, как, например, эпоха монгольских завоеваний тюркских народов Чингисханом, во время которой в тюркские языки попало множество монгольских слов из средневекового монгольского языка» (Рассадин, 2019: 39).

Актуальность рассмотрения паремий тувинского языка и паремий ряда тюркских и монгольских языков, распространённых на территории Российской Федерации, в сравнительно-сопоставительном аспекте обусловлена необходимостью установления общего и национально-специфического, с одной стороны, путём определения этимологической общности, а с другой — описания образов, которые включают анализируемые единицы.

Цель статьи — проанализировать паремии с компонентом-нумеративом *один, два, три* в тюркских и монгольских языках народов Российской Федерации на фоне русского и монгольского языков для выявления универсального и национально-специфического. Выбор чисел из начала числового ряда мотивирован тем фактом, что они относятся к древнейшим числовым символам в фольклоре многих народов.

К числовому коду культуры относятся числительные и слова, обозначающие количество. «В свободном употреблении определенно-количественное числительное обозначает отвлеченное число или количество предметов и играет утилитарно-прагматическую роль. Кроме того, числа обладают и культурными смыслами, приобретают символическую значимость, что находит отражение во фразеологической системе языка» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021: 204).

Методологической базой данного исследования являются научные работы, в основе которых — понимание паремиологии как самостоятельного направления в российском языкознании (Русские паремии ... , 2008; Паремиология в дискурсе, 2015; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021). Кроме того, теоретические постулаты современной паремиологии изложены также в программных статьях (Мокиенко, 2010; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020).

При проведении исследования использованы историко-этимологический, описательно-аналитический, лингвокультурологический методы, а также метод структурно-семантического моделирования, позволяющий наиболее объективно проводить межъязыковое сопоставление паремий в аспекте сравнительной лингвоаксиологии и этнолингвокультурологии (Никитина, 2020; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021).

Источниковую базу исследования составила авторская картотека, включающая тувинские (43), хакасские (35), алтайские (20), кумыкские (163), калмыцкие (14) и бурятские (50) паремии с компонентами-нумеративами (311 единиц). Если тувинские, хакасские и алтайские паремии относятся к одному региону Саяно-Алтая, что определяет некоторые общие черты, связанные с соседством, то кумыкский (также тюркский) распространён на территории Северного Кавказа, в Дагестане. Монгольские языки в нашем исследовании представляют калмыцкий и бурятский язык. В качестве фона исследования выступают русские и монгольские пословицы.

Паремиологический материал отобран приёмом сплошной выборки из сборников¹, а также взят из монографии «Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература»², монографии Н. Р. Ойноткиновой³ и статьи А. Н. Чугунековой⁴. В качестве фонового материала привлекался «Словарь общих пословиц тюркского мира» О. Чобаноглу (2004) и «European Proverbs in 55 Languages with Equivalentents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese» G. Paczolay (2002)⁵.

¹ Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. 368 с.; Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. 350 с.; Калмыцкие загадки и пословицы / сост. В. Котвич. СПб.: Издательство факультета восточных языков, 1905. 111 с.; Кульганек И. В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 184 с.; Матпаадыр: Произведения для детей / Тувин. НИИ яз., лит. и истории. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1991. 268 с.; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.; Подношение в серебряной чаше: Сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия) / сост. У. А. Донгак; науч. ред. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука: НГОПО Союза писателей России, 2018. 176 с.; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.; Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.

² Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература / У. А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У. А. Донгак. Новосибирск: Наука, 2020. 152 с.

³ Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск: Институт филологии, 2012. 354 с.

⁴ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37).

⁵ Çobanoğlu, Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. 558 s.; Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalentents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese. Hobart, Tasmania (Australia). DeProverbio.com, 2002. 527 p.

Изучение числового кода культуры

Как и в других языках, числовой код культуры в тюркских языках также можно считать универсальным, поскольку в его основе лежат общетюркские числительные. В паремиях тюркских языков, в т. ч. с компонентом-нумеративом, наблюдается сходство, обусловленное генетическим родством этих языков. Согласно О. Чобаноглу, пословицы тюркского мира, «учитывая их структурные, функциональные и стилистические характеристики, являются продуктами одной и той же культурной экологии, и это можно показать, давая параллельные тексты по осям истории и географии»¹. В «Словаре общих пословиц тюркского мира» О. Чобаноглу приводит аналоги почти к тысяче турецких пословиц в сорока тюркских языках².

Описанию и выявлению символики числового кода тюркских и монгольских языков посвящены работы В. Д. Бабуевой, А. Э. Гармаевой, Н. Л. Жуковской, С. Т. Каратаевой, Г. Г. Кульсаринной, Р. Т. Муратовой, А. Н. Чугунековой, Б. Шондуга (Бабуева, 2001; Гармаева, 2008; Жуковская, 2002; Кульсарина, 2016; Муратова, 2012, 2015; Тагарова, 2011; Чугуненкова, 2019ab; и др.³). Авторы анализируют значение того или иного числа, его символическое (обрядовое) значение, их фразеомобразующий потенциал. Нередко используется понятие сакральности, что даёт основание говорить о нумеративах как национально и культурно маркированных единицах. Б. Шондуг пишет, что «наличие дополнительного, сакрального значения у числа имеет глубокие истоки и предпосылки в истории, религии и культуре народа: это значение определяется используемой системой счисления, религией и религиозным принципами, особенностями календаря, важнейшими историческими событиями, мифологией и литературой, ментальным восприятием основных возрастных рубежей человеческой жизни»⁴. Так, в монгольской лингвокультуре числа 3, 9 и 13 рассматриваются как положительные, счастливые⁵, в башкирской — к сакральным относятся не только числительные (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 40, 100, 1000), но и слова *яңғыз* 'одинокий', *һыңар* 'беспарный', *тәүге* и *беренсе* 'первый', *игез* 'двойня', *куш* 'парный', 'двойной', *иш* 'пара' (Муратова, 2012: 148).

Ценным является вывод известного филолога А. А. Бурькина, касающийся общности числительных анализируемых языков: «современные формы количественных числительных в монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках являются гетерогенными в словообразовательном отношении и восходят к формам разных разрядов имен числительных, тем не менее эти разряды принадлежали к единой системе имен числительных — об этом наглядно свидетельствует сохранение отдельных разрядов имен числительных в виде целостной системы в тунгусо-маньчжурских языках»⁶.

В символике чисел тюркских и монгольских паремий обнаруживается много общего, что связано с универсальным общечеловеческим характером числовой символики, а также обусловлено родством рассмотренных языков, входящих в алтайскую макросемью языков.

Символика числа один

Тувинское числительное *бир* 'один' является общетюркским и имеет неясную этимологию. По мнению Э. Р. Тенишева, происхождение числительного *bi:r* можно связать со словом *barmaq* 'палец' (Тенишев, 1978: 110). Ряд исследователей полагает, что числительное «один» связано с местоимением *bi* 'я', поскольку это понятие сформировалось в процессе осознания человеком своей обособленности по отношению к внешнему миру и другим людям. Таким образом, может получиться этимология: *bi:r* 'один' из *bi* 'я' + *er* 'мужчина'. Также высказывалась мысль о связи числительного *бир* с указательным местоимением *bu* 'этот'. Однако Б. И. Татаринцев считает, что для таких утверждений нет достаточных оснований⁷.

¹ Çobanoğlu, Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. S. 41.

² Çobanoğlu, Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004.

³ Шондуг Б. Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 19 с.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Бурькин А. А. Монгольские числительные в перспективе алтаистики (новый опыт интерпретации) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. Ч. I. С. 115.

⁷ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. С. 227.

В тюркских языках *один*, *единица* начинает числовой ряд, и с ним связаны понятия *всё*, *целое*, *неделимое* (Каратаева, 2020: 92). В тувинском языке *бир* 'один', а также сочетание *бир дугаар* 'первый' выражают и идею начала. Сходное значение придаётся числу «один» и в монгольских языках (старомонг. *nigen*, монг. *нэг*, бурят. *нэгэн*). В частности, в бурятском языке, который относится к монгольским, числительное *нэгэн* 'один' как начало числового ряда также выражает понятия *всё*, *единое*, *целое*, *неразделимое*. От слова *один* «производны понятия — един, единственный, соединение, объединение, — один бог, одна Вселенная, одно Солнце, Луна, род, племя, — т. е. то, что не делится и понимается как единое целое» (Бабуева, 2001: 93).

В паремии цэнгэльских тувинцев выражается семантика «один как средоточие многого»: *Бир кижги он шинчилиг*¹ (Один человек обладает десятью достоинствами; букв. 'Один человек — десять обличьев'), где *бир кижги* 'один человек' обладает многими (метафорически десятью — *он шинчилиг*) обликами (качествами). Так говорят о людях, сочетающих в себе разнообразные качества: один человек может одновременно быть ловким, умелым, работающим, целеустремлённым, добрым, смелым и пр.

Эта символика единения, единства, общности, целого прослеживается в тувинских и хакасских пословицах: тув. *Аңчы улустуң соруу чаңгыс*² 'У охотников одна цель'; *Бажашкыларның пажы чаңгыс*³ 'У свояков один котёл'; *Кажыдалдың арны чаңгыс*⁴ 'У горя одно лицо', хакас. *Аал-күннің абы пір*, / *Аал-хончахтың чөби пір*⁵ 'У односельчан охота общая (букв. 'одна'), / У соседей совет общий (букв. 'один')'. В приведённых тувинских паремиях используется слово *чаңгыс*, заменяющее *бир* в значении 'один, единственный, один на всех'. Отметим, что в количественном отношении пословиц с компонентом *чаңгыс* в паремиографических сборниках значительно больше, чем со словом *бир*.

Похожая картина наблюдается в хакасских паремиях, включающих слово *чалгыс*, имеющее сходное значение *один*, *единственный*, *одинокий*. В количественном отношении хакасские паремии со словом *чалгыс* также преобладают над пословицами с числительным *пір* 'один'⁶. В словаре кумыкских пословиц в достаточном количестве имеются как пословицы со словом *бир* 'один', так и со словом *янгыз* 'один, одинокий'. Бурятское *ганса* 'один, единственный' также часто используется в пословицах наряду с числительным *нэгэн* 'один'.

В пословицах это слово со значением 'один', 'одинокий' символизирует понятие 'мало', иногда полное отсутствие чего-либо. Ср.: тув. *Чаңгыс кезек от болбас*, / *Чаңгыс кижги кижги болбас*⁷ 'Одно полено — не костёр, / Один человек — не народ); хакас. *Чалгыс турун күйерін дее күйбес*, / *Ыс таа сығарарын сығарбас* 'Одна головешка еще не костер, / Дымить — не дымит, гореть — не горит'⁸; алт. *Янгыс туруннан от болбос*, *янгыс кижиден јон болбос* 'Одна головня не огонь, один человек не народ' (Муйтуева, Ойношев, Тадышева, 2018: 33); кумык. *Янгызны оту ярыкь янмас*⁹ 'У одинокого и огонь горит тускло'; бурят. *Ганса сусал гал бэшэ*, *ганса хүн зон бэшэ* 'Одна головешка — не огонь, один человек — не народ'¹⁰, калм. *Нанцхн модн һалд ор болдо* 'Одной веткой — огонь не разожжешь' (Боктаева, Халгаева, Безрукова, 2017: 327) и *Нельзя воевать одинокому*¹¹. Обращает на себя внимание образное и семантическое сходство тувинской, алтайской и бурятской пословиц. Образ одного полена, из которого не получится костёр,

¹ Подношение в серебряной чаше : сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука; НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 139.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 85.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 8.

⁶ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37). С. 20.

⁷ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 64.

⁸ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37). С. 19.

⁹ Гаджихамедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. С. 335.

¹⁰ Бальбурова Б. Буряд арадай оһһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 70.

¹¹ Калмыцкие загадки и пословицы / В. Котвич. СПб.: Издательство факультета восточных языков, 1905. С. 99.

дополняется образом одного человека, который не составляет народ. Частичными семантическими аналогами тувинской являются хакасская и кумыкская пословицы, также выражающие слабость и недостаточность одного там, где должно быть много. Все эти паремии имеют семантику, сходную с русской пословицей *Один в поле не воин*¹.

Тувинское слово *чаңгыс* может олицетворять и достаточный минимум: *Хөй сөсте олча чок, / Чаңгыс сөсте хор чок*² 'Во многих словах пользы нет, / В одном слове убытка нет'. Ценность для тувинцев — немногословие, которое противопоставляется в пословице болтливости. *Одно слово* (в значении *мало*) может быть полезным, много слов — лишнее. Подобную семантическую модель и сходные образы имеет бурятская пословица *Олон үгэ олзогүй, ганса үгэ гарзагүй* 'Многословие не принесет пользу, а одно слово — убытка' (букв. много, слово, без добычи, одно, олово, без убытка)³.

По мнению Б. И. Татаринцева, тюркское слово *бир* раньше могло обозначать однократное сильное резкое действие, движение⁴. В таком случае значение этого слова сходно с русским *раз*, которое первоначально обозначало 'удар', а затем стало употребляться в значении 'один'. Значение однократного действия проявляется в тувинских пословицах: *Араганы бир ишкен кижги бир чугаалаар, / Ийи ишкен кижги ийини чугаалаар*⁵ 'Раз выпьет спиртное — одно говорит, Второй раз — другое говорит'; *Бир ишкен — бир эндээр, / Ийи ишкен — ийи эндээр*⁶ 'Один раз выпил — раз ошибся, / Два раза выпил — дважды ошибся'. Одновременно в этих пословицах содержится противопоставление числительных *один* и *два*.

Подобное противопоставление существует и в пословицах других рассматриваемых языков, с разными образами: алт. *Бир мекелезен, / Экинчи катап мекелеп болбозын* 'Раз обманешь / Второй раз обмануть не сумеешь' (Ойноткинова, 2012: 154); хакас. *Иртеңи кизи — iki үлүстіг, уйғуцы — bir үлүстіг* — букв. 'Рано встающий имеет две доли, соня — одну долю'⁷; бурят. *Дуулахада хоёр шэхэн, дуугархада нэгэ хэлэн* — 'Слушают двумя ушами, говорят одним языком'⁸. Интересно, что второй *раз* в алтайской пословице выражен именно словом *катап* 'раз'.

Противопоставление числу один в тувинских пословицах встречается и с другими числами. Так, у цэнгальских тувинцев бытует пословица *Чеди катап хемчээп, / Чаңгыс катап кес* 'Семь раз отмерив, / Один раз режь'⁹, где вместо *бир* используется словосочетание *чаңгыс катап* (один (единственный) раз). При этом хакасская пословица противопоставляет число *один* числу *десять*: *Он хатап синеп, бир хатап кис*¹⁰ 'Десять раз отмерь, один раз отрежь', а алтайская — числу *тысяча*: *Үлгүлүге — бир кезиши, / Үлгү жокко — мун кезиши* 'С выкройкой один раз отрежешь, / Без выкройки тысячу раз отрежешь' (Ойноткинова, 2012: 116). Кроме того, в алтайской паремии используется образ выкройки и создаётся семантический нюанс: нужна выкройка (инструмент), которая даст возможность вырезать изделие один раз точно вместо тысячи, то есть не делать лишнего. Кумыкские варианты паремии по семантике сходны с хакасской пословицей, в них *один* противопоставляется *десяти*: *Он керен бич, бир керен тик* 'Десять раз крои, один раз шей'; *Он керен оьлче — бир керен бич* 'Десять раз отмерь, один раз крои'; *Он оьлче — бир бич*¹¹ 'Десять раз отмерь, один раз крои'.

¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 685

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 59.

³ Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ: б. и., 1992. С. 65.

⁴ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. С. 228.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 86

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремииологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37). С. 19.

⁸ Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 101.

⁹ Цэнгальские тувинцы: фольклор и литература / У.А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У.А. Донгак. Новосибирск: Наука, 2020. С. 118.

¹⁰ Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасская пословица, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 150.

¹¹ Гаджихамедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. С. 213.

Как следует из представленных примеров, тувинские паремии с компонентом-нумеративом «один» отражают семантику общности, когда один без участия других не может преодолеть испытания; а также предел, достаточное количество, что объединяет эти пословицы с приведёнными тюркскими и монгольскими. Этот нумератив в тувинских паремиях включён в бином *один — два*, как и в алтайском и бурятском языках, а также в бином *один — семь*, в отличие от алтайского (*один — десять, один — тысяча*) и хакасского (*один — десять*) языков.

Символика числа два

В тувинском языке числительное *ийи* 'два', как и в других тюркских, а также монгольских языках, символизирует оппозицию, выражает бинарные понятия: черное — белое, хорошо — плохо, верх — низ, жизнь — смерть, добро — зло, вперед — назад и т. д. (Бабуева, 2001: 93). В древнетюркском языке число *iki* 'два' означало 'следующий'. Исследователи предполагают, что слово *iki* связано с древним глаголом 'следовать, преследовать' (Тенишев, 1978: 112). Таким образом, тюркское числительное *iki* означает 'следующий за одним', 'рядом с одним' (Каратаева, 2020: 93). Это число связано с парами и может выражать как противоположности и конфликт, так и совокупность двух вещей.

Отголоски древнего культа поклонения Небу сохранились в современном тувинском языке в выражении *Дээр — Адам, Чер — Ием* 'Небо — мой отец, Земля — моя мать' (Самдан, 2016: 52), представляющем одно из главных противопоставлений при понимании мироустройства. С одной стороны, диада *Небо — Земля* символизирует разделение мира, а с другой — совокупность, породившую человека. В других тюркских языках тенгрианские божества также выступают в виде симбиоза, выраженного числом *два*, как, например, в киргизском языке диада *Көкө Теңир — Жер-Эне* (Синее Небо — Мать-Земля). С принятием ислама киргизами среди них укрепилось убеждение о разделении мира на два (бренный мир и истинный мир) (Каратаева, 2020: 93). В алтайских языках число «два» также является парным понятием в бинарной оппозиции, содержит сакральные смыслы, выражающие симбиоз противоположностей (там же).

В монгольской лингвокультуре число *хоёр* 'два' также связано с идеей противопоставления и одновременно однородности противоположностей. Символически эта двойственность присуща мифическим персонажам (Вечное небо — Мать-Земля), шаманским атрибутам (отцовское и материнское дерево). Кроме того, *хоёр* также выражает идею парности и параллелизма (муж и жена, пара строк, двустийшие, два ученика, деление юрты на две части) (Гармаева, 2008: 106).

Числительное *ийи* 'два' подчёркивает образность тувинской паремии *Ийи дагның бажы чоок-даа болза дээшпес, / Ийи кижиниң аразы ырак-даа болза көржүр (дегжир)*¹ 'Две вершины горы, хотя и близко, не соприкоснутся, / Между двумя людьми расстояние хотя и большое — увидятся (сойдутся)'², являющейся аналогом русской пословицы *Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся*³.

Эту паремию можно считать универсальной: она зафиксирована в словаре европейских пословиц Д. Пацолаи, в котором приводятся аналоги этой пословицы на 55 языках⁴. Данная паремия также приводится в словаре О. Чобаноглу как общетюркская среди аналогов на 33 языках, в том числе алтайском, хакасском, кумыкском (паремии приводятся в турецкой латинской транскрипции): турецк. *Dağ dağa kavuşmaz, insan insana kavuşur* 'Гора с горой не встретятся, человек с человеком встретится'; алт. *Tuvla tuv birikbez, kijile kiji biriger*; хакас. *Tag tagga uçurbas, kizi kizie togazar*; кумык. *Tav tavğa yolukmas, adam adamğa yolugur*⁵.

Среди паремий с компонентом-нумеративом «два» рассматриваемых тюркских языков только тувинская использует числительное *ийи* 'два'. Кроме того, в алтайской пословице слово *биригер* 'сходиться, соединяться' содержит корень *бир* 'один'. Из тридцати трёх тюркских аналогов пословицы

¹Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное издательство ; Радуга Тувы, 2020. С. 28.

²Перевод наш. — Авт.

³Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 197.

⁴Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese. Hobart, Tasmania (Australia). DeProverbio.com, 2002. P. 213.

⁵Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. С. 194.

Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся, приведённых в словаре О. Чобаноглу, лишь тувинская и ещё киргизская паремия (кирг. *Eki too koşulbayt, eki kişi körüşöt*) содержат число два (тув. *ийи*, кирг. *эки*). Полным аналогом тувинской паремии является бурятская пословица *Хоёр хада ойрошье хаа, уулзахагүй, хоёр хүн холоше хаа, золгохо* 'Две горы не встречаются, два человека встречаются'¹ и калмыцкая пословица (текст которой приведем из дореволюционного издания в переводе на русский язык) *Две горы не встрѣтятся, а два человека встрѣтятся*².

Две миниатюрные картинки дополняют друг друга, составляя единое целое, образуя смысл пословицы. Значение 'разделение двух сторон несёт негативный результат' объединяет тувинские пословицы *Ийи чурт аразынга мези чайбас, ийи кижги аразынга сөс дажывас*³ 'Между двумя странами нельзя меч вонзать, меж двумя людьми нельзя слово бросать'⁴ и *Ийи ыт аразынга сөөк кагба, ийи кижги аразынга хоп (сөс) сөглевэ*⁵ 'Меж двух собак кости не бросай, меж двух людей раздора не сей (ссоры не затевай)'⁶. Вторая из приведённых пословиц содержит образ разделения, раздора между двумя сторонами, отождествляемый с костью, которую некто бросает двум собакам. Вторая часть пословицы говорит о том, что не следует возбуждать раздор между двумя людьми своими речами (словами, сплетнями). В целом образ кости и дерущихся собак поясняет рекомендацию относительно избегания ссор в соответствии с семантической моделью «Сплетни вызывают раздор».

Вариант этой пословицы бытует и у цэнгэльских тувинцев в Монголии: *Ийи ыт аразында сөөк кагба, / Ийи кижги аразында сөс чашпа* 'Между двух собак не оставляй кость, / между двух людей не бросай слово'⁷. Бурятская пословица имеет сходную с тувинской семантику: *Хоёр нохойн хоорондо яһа хаяха, хоёр хүнэй хоорондо хоб зөөхэ* 'Бросать кость между двумя собаками, таскать сплетни между двумя людьми'⁸.

Если две единицы сходятся, итог зависит от их направленности (положительной или отрицательной). Хакасская пословица гласит: *İki çabal pîrik parza, / Ил чонға чадығ пирбес* — букв. 'Если два дурака сходятся, / Всеми народу покоя не дадут'⁹. Смысл пословицы в том, что отрицательная энергия дураков удваивается, когда они вместе, и вредит всем. В тувинском языке не обнаружено паремии с подобной семантикой.

Число два также может символизировать в тюркских языках невозможность выполнения двух дел в одно время. Такова, например, хакасская пословица *İki киректи пîрге сағынзаң, пîрси деє киліспес* 'Будешь думать о двух делах одновременно, ни одного не решишь'¹⁰. Семантика этой пословицы отчасти сходна с русской *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*¹¹, которая относится к числу универсальных пословиц¹² и соответственно общетюркских. В «Словаре общих пословиц тюркского мира» О. Чобаноглу приводится 23 аналога пословицы о двух зайцах, в том числе турецк. *İki tavşan birden avlanmaz*; алт. *İki koyundi biraay tutup bolbos* и хакас. *İki hozanni pîr sañay añnalbacañ*¹³.

¹ Бальбурова Б. Буряд арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 258.

² Калмыцкие загадки и пословицы / сост. В. Котвич. СПб.: Издательство факультета восточных языков, 1905. С. 110.

³ Матпаадыр: Произведения для детей. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1991. С. 108.

⁴ Перевод наш. — Авт.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство ; Радуга Тувы, 2020. С. 28.

⁶ Перевод наш. — Авт.

⁷ Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература: коллектив. Моногр. / У.А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У.А. Донгак. – Новосибирск: Наука, 2020. С. 117.

⁸ Бальбурова Б. Буряд арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 258.

⁹ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремииологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37). С. 19.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 366.

¹² Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese. Hobart, Tasmania (Australia). DeProverbio.com, 2002. С. 334.

¹³ Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. С. 301.

Пословичную идею *два не помещается в одном* выражают тюркские пословицы с другой образностью: алт. *Эки айу жангыс ичегенде жарашпас* 'Два медведя в одной берлоге не уживутся' (Ойноктинова, 2012: 46); кумык. *Бир къазанда эки баш бишмес* 'В одной кастрюле две головы не варят', *Бир къолгъа (къолтукъгъа) эки харбуз сыймас* 'В одной руке (подмышке) два арбуза не поместятся'¹. С кумыкской сходна семантика бурятской пословицы: *Хоёр бухын толгой нэгэ тогоондо шанажа болохгүй* 'В одном котле не сварить двух быков'². Разница лишь в образном представлении: в бурятской паремии вместо двух (бараньих) голов (распространённого в тюркских пословицах образа) два быка.

Из приведённого материала видно, что в тувинских паремиях, как и в пословицах хакасского, бурятского и калмыцкого языков, показано значение двух человек как общности, оказывающей положительное или отрицательное влияние на других.

Символика числа три

Тувинское число *үш* 'три' находится в ряду чисел с особой символикой у тюркских народов (3, 4, 7, 8, 9, 12, 40, 100, 1000, а также производные от 9) (см. об этом: Самдан, 1994: 23; Муратова, 2012: 51). Тюркские рунические памятники свидетельствуют о том, что число *три* (*üç*) входило в состав географических и этнических названий (Сравнительно-историческая ... , 2001: 580). В представлениях древних тюрков, соприкоснувшихся с буддизмом, число *три* также было связано с буддийским каноном «Трипитака» («Три корзины учения»).

Число *три* широко представлено в монгольской лингвокультуре, в частности в эпосе «Джангар». Во многих сюжетах эпоса священные обряды исполняются троекратно, а действия продолжают в течение трёх дней, недель, месяцев (Сравнительно-историческая ... , 2001: 582).

В тувинской мифологии тройственная модель мира соответствует Нижнему, Среднему и Верхнему миру и чётко выражена в материальной и духовной кочевой культуре. Структуру традиционного жилища тувинцев — юрты — исследователи интерпретируют как миниатюрную модель Вселенной, в которой верхняя часть соотносится с верхним миром, подобно небосводу, а сама юрта (Средний мир) соединена с небом и Нижним миром опорным шестом (Мижит, 2013: 35).

Очаг в юрте традиционно состоит из трёх камней. Этот образ дал название соответствующему жанру тувинской литературы — трёхстишиям *ожук дажы* (три камня очага), который опирается на древние формы поэзии тувинцев и древних тюрков в виде трёхстиший. Тувинские сказки также полны тройственными образами и явлениями (три времени, три встречи, три мудрости, путешествия в трёх мирах, три поединка и пр.) (там же: 46).

При такой распространённости триады в мифологии тувинцев не может не удивлять тот факт, что в сборниках тувинских пословиц почти нет паремий с числительным *үш* 'три'. Поскольку в каждой национальной паремиографии отражается прежде всего основной фонд пословиц (Ivanov, 2002: 41), такая лакуна может рассматриваться как типологически значимая характеристика тувинской пословичной картины мира. Возможно, конечно, это связано с недостаточной проработанностью теории паремиологии в области разграничения терминов пословицы и поговорки в тувинской лингвокультуре и требует верификации собранного диалектологического материала.

У цэнгэльских тувинцев зафиксирована паремия с нумеративом *үш*, связанная с обычаями: *Үш баскан черинге саңын салыр / Үжен баскан черинге аьдын баглаар* 'В трёх шагах ставят жертвенник, В тридцати шагах привязывают коня'³. Известно, что цэнгэльские тувинцы устанавливают жертвенник (*саң*), состоящий из трёх плоских камней, как правило, в трёх-четырёх шагах от входа в юрту на простом деревянном возвышении.

¹ Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. С. 86.

² Бальбурова Б. Буряд арадай оньон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 257.

³ Подношение в серебряной чаше: Сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука; НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 129.

Как отмечается в комментарии к этой паремии: «Ленивый человек привязывает своих лошадей в 30-40 шагах от юрты, а работающий человек — подальше, чтобы в стойбище не пристали к ним нечистоты, испражнения скота; так, держа их в чистоте, выражают уважительное отношение к лошадям»¹.

Следующее фольклорное выражение, содержащее нумеративы *один, два и три*, известно у тувинцев, однако оно не зафиксировано как пословица:

Чаңгыс уруг — уруг эвес,

Ийи уруг — чартык уруг,

Үш уруг — бүдүн уруг

‘Один ребёнок — не ребёнок,

Два ребёнка — полребёнка,

Три ребёнка — целый ребёнок’ (Мижит, 2013: 36).

Л. С. Мижит называет эту фразу выражением, характеризующим тройку как число, определяющее целостность, гармонию и определённую (там же: 36). Вероятно, фольклорная фраза не воспринимается тувинцами как пословица. Но при этом в других языках выражение с подобной семантикой и структурой фиксируется в паремиологических сборниках в качестве пословицы. Например, рус. *Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — целый сын*². Частичным семантическим аналогом этой паремии может считаться кумыкская пословица со сходной структурой: *Бир кызы — ёкъ кызы, эки кызы — эрке кызы, уьч кызы — жут кызы* ‘Одна дочь — нет дочери, две дочери — избалованные дочери, три дочери — пара дочерей’³. Число *три* здесь символизирует некий предел счёта, предел полноты.

То же самое можно сказать о тувинских загадках-триадах (*үштээн тывызыктар*), которые не публиковались ни в одном сборнике загадок. По мнению Л. С. Мижит, это, возможно, говорит о том, что загадки-триады, воспринимаются не как загадки, а как афористическая поэзия (Мижит, 2013: 93). Речь идёт о загадках с тройственными ответами, причём ответы-триады представляют самостоятельное целое без вопроса (там же: 96). Подобные загадки находили свое отражение в остроумных беседах (*чечен чугаалар*), своеобразных состязаниях в остроумии и красноречии, в ходе которых задавались такие вопросы, как *Бир эки деп чүл? ‘Что одно хорошее?’*, *Ийи эки деп чүл? ‘Что такое два хороших?’*, *Үш эки деп чүл? ‘Что такое три хороших?’* и т. д. (Курбатский, 2001: 359). Ответы нужно было знать, хотя импровизация не исключалась. Когда остроумные ответы воспринимаются уже без вопроса и известны всем, они приобретают характер пословиц. Эти выражения обладают афористичностью и назидательностью, являясь устойчивыми выражениями, что также свойственно пословицам. Представляется, что такие ответы имеет смысл причислять к пословицам.

Так, тувинская загадка: *Кижиде үш бай. Ол чүл? ‘Три богатства у человека. Что это?’* имеет следующий ответ:

Башкы бай — ажы-төл,

Ортаа бай — эртем-билиг,

Соңгу бай — эртинге-байлак.

‘Первое богатство — дети,

Среднее богатство — образование,

Последнее богатство — имущество и драгоценности’ (Мижит, 2013: 128).

Этот ответ имеет все признаки пословицы и вполне может считаться таковой. Доказательством может служить существующая в монгольском языке пословица со сходной структурой и семантикой: *Эрдэм билиг эрхэм баян, үр хүүхэд удаа баян, адуу мал адаг баян* ‘Знание — высшее богатство, дети — второе богатство, скот — самое последнее богатство’⁴. Пословица со сходной структурой и образностью

¹ Подношение в серебряной чаше: Сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука; НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 138.

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 895.

³ Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. С. 87.

⁴ Кульганек И. В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 80.

существует и в бурятском языке: *Эрдэм бэлиг — эрхим баян, здир залуу — дунда баянд зөөридаг баян* 'Учение — лучшее богатство, юность — среднее богатство, имущество — худшее богатство'¹.

Вместе с тем в тувинских паремиологических сборниках зафиксировано несколько пословиц с несвойственной для тувинских пословиц тройственной структурой (традиционно тувинские пословицы складываются из двух частей на основе их структурно-семантического параллелизма).

Напр.:

— *Арагадан аржаң үнер, Аржаңдан коржаң үнер, Коржаңдан хоран болур* 'От перегона араки получится аржан (водка), От аржана — коржан (спирт), От коржана — хоран (отрава)'²;

— *Арыг үзүктүг, Арт ажыглыг, Таңды кестиг* 'Лес имеет проход, Хребет имеет переход, Гора имеет перевал'³;

— *Бот аскыр Бодунга менээргенгеш, Бөрүгө чирткен* 'Самонадеянного жеребца, Полагающегося на себя, Волк разодрал'⁴;

— *Кылыктыг кижини ажындырары белен, Мелегей кижини мегелээри белен, Кортук кижини коргудары белен* 'Вспыльчивого легко рассердить, Глупого — обмануть, Трусливого — напугать'⁵ и т. п.

Встречаются в тувинском языке и единичные пословицы с тройным концептуально-образным рядом (традиционно используется два либо четыре концепта и/или образа), напр.: *Кижини узун чоруктуг, узак сагыштыг, улуг угаанныг болур* 'У человека — длинная дорога, безграничная мечта, необъятный ум'⁶. Тувинские пословицы с тройственной структурой и/или образностью имеют аналоги в других фольклорных традициях.

В бурятском и калмыцком фольклоре, подобно тувинскому и монгольскому, существует жанр триады — поэтического афоризма в форме традиционной загадки, ответ на которую представляет собой стих из трёх-четырёх строк.

В. Д. Бабуева отмечает, что этот ответ может существовать и в виде паремии: «Три богатства есть в мире: богат тот, у кого скота много; еще богаче тот, у кого детей много; но богаче всех тот, кто знанием богат; Три вещи в мире опасны: нож в руках ребенка, власть в руках глупца, лезвие в устах подхалима» (Бабуева, 2001: 94).

По мнению Н. Л. Жуковской, триады отличает подвижность, креативность, что делает этот фольклорный жанр живым, отражает «сообразительность и наблюдательность рассказчика, т. е. тех самых черт личности, которые приветствует любая культурная традиция и без которых ее передача из поколения в поколение просто невозможна» (Жуковская, 2002: 169).

Примеры тувинских пословиц с компонентом-числительным *үш*, извлечённые нами из различных источников, немногочисленны. На факт отсутствия подобных примеров в лексикографических сборниках указывает и А. Н. Чугунекова⁷. В приведённых тувинских паремиях этот компонент-нумератив, кроме номинативной функции, реализует значение полноты, предела.

Заключение

Паремиологический фонд тувинской лингвокультуры в существенной степени связан с числовым кодом. Как и в ряде языков, в тувинском языке культурная коннотация числительных находит отражение в различных фольклорных текстах: сказках, загадках, пословицах, благопожеланиях и др. Тувинские паремии в основе своей имеют символическую и сакральную семантику чисел, основанную

¹ Бальбурова Б. Буряад арадай онһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 337.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 86.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2 (37). С. 20.

на народных поверьях, обрядах, фольклорных и мифологических представлениях, что относится и к паремиологическому фонду языков, рассмотренных нами в качестве фона: хакасского, алтайского, кумыкского, калмыцкого и бурятского языков.

Общность семантики обнаружили тувинские паремии с компонентом *бир* 'один' и *ийи* 'два' по отношению к приведённому фонду паремий: семантика общности, когда один без участия других не может преодолеть испытания, и понимание двух человек как общности, оказывающей положительное или отрицательное влияние на других. Анализ пословичных биномов с компонентом *один* показал традиционное разнообразие в выбранных пословицах.

Вопросы, возникшие в процессе исследования тувинских паремий (в частности, практически полное отсутствие в словарях тувинских пословиц с лексемой *үш* 'три' при частотном использовании её в народном фольклоре и наличии популярного поэтического жанра трёхстиший; отсутствие паремий с числами — производными от 9), свидетельствуют о необходимости более глубокого и детализированного изучения тувинского паремиологического, а также связанного с ним поэтического фольклорного фонда, в одной из его интереснейших областей, отмеченной числовым кодом тувинской лингвокультуры.

Проведённый сопоставительный лингвокультурологический анализ подтверждает вывод о том, что «инвентаризация культурных кодов позволяет создать лингвокультурологическую характеристику даже малых языков, несмотря на меньшее лексикографическое представление репертуара ФЕ¹ разных разрядов» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021: 209).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабуева, В. Д. (2001) Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы. 144 с.
- Боктаева, В. Л., Халгаева, Д. Д., Безрукова, О. Г. (2017) Симметрия в ментальности русского и калмыцкого народов в пословицах и поговорках // Инновационные технологии в образовании и науке : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 сент. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков и др. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс». 420 с. С. 325–328.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Провербильные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В. (2020) Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии) // Вопросы этнополитики. № 2. С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-2-28-38>
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2021) Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. № 2 (45). С. 202–212.
- Гармаева, А. Э. (2008) Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 105–110.
- Гишкаева, Л. Н., Ломакина, О. В., Макарова, А. С. (2021) Отражение веры в Бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультур) // Cuadernos de Rusística Española. Т. 17. С. 135–147.
- Гудков, Д. Б., Ковшова, М. Л. (2007) Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис. 285 с.

¹ ФЕ — фразеологических единиц.

Жуковская, Н. И. (2002) Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика : учебное пособие. М. : Восточная литература. 247 с.

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Каратаева, С. Т. (2020) Символика чисел в тюркских и монгольских языках // Вестник Кыргызского Государственного Университета имени И. Арабаева. № 2. С. 91–97.

Кульсарина, Г. Г. (2016) Этнокультурная символика чисел в языке башкирского фольклора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (64). Ч. 1. С. 106–109.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4 (54). С. 303–317. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Ляшчынская, В. А. (2019) Ідыяматыка беларускай мовы ў лінгвакультуралагічным асвятленні [Идиоматика белорусского языка в лингвокультурологическом освещении]. Минск : РІВШ. 250 с.

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Мокиенко, В. М. (2010) Современная паремиология (лингвистический аспект) // Мир русского слова. № 3. С. 6–20.

Муйтуева, И. Н., Ойношев, В. П., Тадышева, Н. О. (2018) Алтайский традиционный этикет. Горно-Алтайск : БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». 160 с.

Муратова, Р. Т. (2012) Символика чисел в языке и культуре башкир. Уфа : б. и. 180 с.

Муратова, Р. Т. (2015) Нумерологические фразеологические единицы в тюркских языках (лингвокультурологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 1 (152). С. 71–77.

Нелюбова, Н. Ю. (2019) Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 50–59. DOI: <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Никитина, Т. Г. (2020) Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 175–197. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197>

Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск : Институт филологии. 354 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Рассадин, В. И. (2019) Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. СПб. : Нестор-История. 620 с.

Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения (2008) / научн. ред. Т. Г. Никитина. Псков : ПГПУ. 256 с.

Самдан, З. Б. (1994) Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск : ВО «Наука», Сибирская издательская фирма. 460 с. С. 10–34.

Самдан, З. Б. (2016) Миф в фольклорной традиции тувинцев (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск : Наука. 180 с.

Семененко, Н. Н. (2020) Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 213–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. (2001) / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др. 2-е изд., доп. М. : Наука. 822 с.

Тагарова, Т. Б. (2011) К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. № 2 (37). С. 112–117.

Тенишев, Э. Р. (1978) Тюркские «один», «два», «три» // Тюркологический сборник. 1974 / ред. коллегия: А. Н. Кононов (отв. ред.), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер. М. : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы. 304 с. С. 109–113.

Ivanov, E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS. 136 p.

Ivanov, E., Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. Vol. 1. P. 85–97.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. P. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17, no. 2. P. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. № 11 (2). P. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 02.08.2022 г.

REFERENCES

- Babueva, V. D. (2001) *Mir traditsii buriat [The world of Buryat traditions]*. Ulan-Ude, Ulzy. 144 p. (In Russ.).
- Boktaeva, V. L., Khalgaeva, D. D. and Bezrukova, O. G. (2017) Simmetriia v mental'nosti russkogo i kalmytskogo narodov v poslovitsakh i pogovorkakh [Symmetry in the mentality of the Russian and Kalmyk peoples in proverbs and sayings]. In: *Innovatsionnye tekhnologii v obrazovanii i nauke [Innovative technologies in education and science]* : Proceedings of the 2nd International science-to-practice conference (Cheboksary, September 10, 2017) / editorial board: O. N. Shirokov et al. Cheboksary, TsNS "Interaktiv plus". 420 p. Pp. 325–328. (In Russ.).
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguo-culturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A. and Lomakina, O. V. (2020) Pogranichnye territorii kak primer kul'turno-iazykovogo transfera (na materiale latgal'skoi i rusinskoj paremiologii) [Border territories as an example of cultural and linguistic transfer (based on the material of Latgalian and Rusin paremiology)]. *Voprosy etnopolitiki*, no. 2, pp. 28–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-2-28-38>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiya kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinit) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (based on numerative units)]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2021) Chislvoi kod rusinskoj kul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numeric code of the Rusin languaculture (based on figurative units)]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (45), pp. 202–212. (In Russ.).

Garmaeva, A. E. (2008) Chislovaia simvolika v mongol'skom iazyke: semantika i funktsii [Numerical symbolism in the Mongolian language: Semantics and functions]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.).

Gishkaeva, L. N., Lomakina, O. V. and Makarova, A. S. (2021) Otrazhenie very v Boga kak tsennostnoi konstanty v poslovichnom fonde (na primere khristianskoj i musul'manskoj lingvokul'tur) [Reflection of faith in God as a value constant in the proverbial fund (on the example of Christian and Muslim linguistic cultures)]. *Cuadernos de Rusística Española*, vol. 17, pp. 135–147. (In Russ.).

Gudkov, D. B. and Kovshova, M. L. (2007) *Telesnyi kod russkoj kul'tury: materialy k slovari* [The body code of Russian culture: Materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis. 285 p. (In Russ.).

Zhukovskaia N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika* [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremiology of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskih poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaia, Yu. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye poniatii i metodika vyivleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskih poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Karataeva, S. T. (2020) Simvolika chisel v tiurkskikh i mongol'skikh iazykakh [Symbolic chips in Turkic and Mongolian languages]. *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Arabaeva*, no. 2, pp. 91–97. (In Russ.).

Kulsarina, G. G. (2016) Etnokul'turnaia simvolika chisel v iazyke bashkirskogo fol'klora [Ethnocultural symbolism of numbers in the language of Bashkir folklore]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (64), part 1, pp. 106–109. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018) Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages)]. *Rusin*, no. 4 (54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Liashchynskaia, V. A. (2019) *Idyamatyka belaruskaj movy ŷ lingvakul'turalagichnym asviatlenni* [Idiomatics of the Belarusian language in linguoculturological coverage]. Minsk, RIVSh. 250 p. (In Belarusian).

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoj traditsionnoj kul'ture* [Tuva tercet: The Triad in Tuvan traditional culture]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. 138 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2010) *Sovremennaja paremiologija (lingvisticheskie aspekt)* [Modern paremiology (linguistic aspect)]. *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.).

Muitueva, I. N., Oinoshev, V. P. and Tadysheva, N. O. (2018) *Altaiskij traditsionnyj etiket* [Altai traditional etiquette]. Gorno-Altajsk, S. S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies. 160 p. (In Russ.).

Muratova, R. T. (2012) *Simvolika chisel v iazyke i kul'ture bashkir* [Symbolism of numbers in the Bashkir language and culture]. Ufa, s. n. 180 p. (In Russ.).

Muratova, R. T. (2015) Numerologicheskie frazeologicheskie edynitsy v tiurkskikh iazykakh (lingvakul'turologicheskie aspekt) [Numerological phraseological units in the Turkic languages (linguoculturological aspect)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 1 (152), pp. 71–77. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2019) Sem'ia kak obshchechelovecheskaia tsennost' vo frantsuzskoj i russkoj poslovichnoj kartine mira [The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoj, russkoj i frantsuzskoj etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nikitina, T. G. (2020) Strukturno-semanticheskoe modelirovanie v sfere frazeologii: sorokaletnij opyt i perspektivy [Structural-semantic modeling in phraseology: Forty years of experience and the prospects]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 175–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov* [Altai proverbs and sayings: Poetics and pragmatics of genres]. Novosibirsk, Institute of Philology. 354 p. (In Russ.).

Paremiologija bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologija v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS ; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiologija na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2022) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaja obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Rassadin, V. I. (2019) *Ocherki po istorii slozhenija tiurko-mongol'skoj iazykovoj obshchnosti* [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian language community]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 620 p. (In Russ.).

Russkie paremii: novye formy, novye smysly, novye aspekty izucheniia [Russian paremias: New forms, new meanings, new aspects of study] (2008) / ed. by T. G. Nikitin. Pskov, Pskov State Pedagogical University. 256 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1994) Mir tuvinskoi skazki [The world of the Tuvan folk tale]. In: *Tuvinskie narodnye skazki [Tuvan folk tales]* / comp. by Z. B. Samdan. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaia izdatel'skaia firma. 460 p. Pp. 10–34. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2016) *Mif v fol'klornoj traditsii tuvintsev: formy bytovaniya, syuzhetnyi sostav, sistema personazhei [Myth in Tuvan folklore traditions: The form of existence, the scene composition, system of characters]*. Novosibirsk, Nauka. 180 p. (In Russ.).

Semenenko, N. N. (2020) Aksiologiya paremii v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniia semantiki russkikh poslovits [Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of semantics of Russian proverbs]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 213–232. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] (2001) / E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov et al. ; ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed, enlarged. Moscow, Nauka Publ. 822 p. (In Russ.).

Tagarova, T. B. (2011) K lingvokul'turologicheskomu opisaniiu buriatskikh frazeologicheskikh edinit s chislitel'nymi [To the linguoculturological description of Buryat phraseological units with numerals]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie*, no. 2 (37), pp. 112–117. (In Russ.).

Tenishev, E. R. (1978) Tiurkskie «odin», «dva», «tri» [Turkic “one”, “two”, “three”]. In: *Tiurkologicheskii sbornik. 1974 [Turkological collection. 1974]* / editorial board: A. N. Kononov (executive ed.), S. G. Kliashtornyi, Yu. A. Petrosian and S. S. Tselniker. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 304 p. Pp. 109–113. (In Russ.).

Ivanov, E. (2002) *Paremiological minimum and basic paremiological stock (Belarusian and Russian)*. Prague, RSS. 136 p.

Ivanov, E. and Feldman, V. (2007) Principles of the contrastive description of aphoristic paremiology (in Belarusian and Russian languages). *Acta Germano-Slavica*, vol. 1, pp. 85–97.

Ivanov, E. and Petrushevskaya, Ju. (2015) Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of manifestation of typological similarity in proverbs of different languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 02.08.2022.